

ХРОНОТОП: НА СТЫКЕ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Чернецов А.Д.

Белорусский государственный университет

В современной культуре существует тенденция к размытию границ между науками, подходами, направлениями. Так и художественные пространство и время объединяются в единую систему координат, которая в филологии получила название *хронотоп*. Термин был заимствован М.М. Бахтиным у физиолога А.А. Ухтомского и получил широкое распространение в литературоведении. Бахтин помещает хронотоп в центр художественного произведения, отмечая, что вхождение личности в мир искусства осуществляется сквозь некие «ворота хронотопа». Однако в данном случае наиболее важным для нас представляется высказывание учёного о том, что единое время-пространство – это «формально-содержательная категория» [2, с. 237].

Хронотоп, как и любой элемент в произведении, раскрывается через языковую составляющую. То есть, язык художественной литературы – это средство кодирования хронотопа. Чтобы «проникнуть» в хронотоп, нужно расшифровать художественный текст. Основные элементы хронотопического кода: категория времени глагола, глаголы действия и некоторые глаголы деятельности, которые влияют на пространство [1], существительные с пространственным и временным значением, наречия места и времени, указательные местоимения, пространственные и временные предлоги. Кроме того, значение имеет иерархия объектов и предикатов, выражаемых лексическими единицами, которая указывает на включение некоторого пространственного объекта в другой, на отношение одного предиката к другому.

Ещё одна грань языкового кода – реализация элементов хронотопа как *концептов*. Существует множество исследований, посвящённых локусам/топосам в произведении, которые раскрываются как элементы

языковой картины мира. Начиная от М.Ю. Лотмана, внёсшего термин «локус» в языкознание [3], переходя к В. Н. Топорову, проделавшего значительную работу по изучению и классификации локусов [4], а также выделению среди локусов концептов, и от него к современным исследователям.

Языковой код – это внешняя часть произведения, его оболочка, которую принято противопоставлять сюжетно-образной системе, и это противопоставление возвращает нас к дихотомии форма-содержание. Посередине между формой (к которой ближе язык) и содержанием (к которому ближе идейно-образное наполнение, то есть – литература в узком смысле) находится такая специфическая часть литературного произведения, как *предчувствия, ощущения* читателя. Их нельзя отнести ни к сфере языка, ни к сфере литературы. Подобные чувства – это следствие аналитической способности человека, о которой опытный автор осведомлён – порой бессознательно – и которой пользуется в зависимости от целей. Кроме того, предчувствия формируются стереотипами и традицией, существующими в сознании читателя. Здесь мы сделали первый шаг к пониманию литературы как составной части психики, но об этом позже. Сначала следует ответить на вопрос: как единое пространство-время проявляется внутри произведения?

Для характеристики хроноса и топоса в структуре произведения существуют субтекстовые условные маркеры: единицы времени, единицы пространства, а также приёмы и средства их измерения, вводимые непосредственно автором. Условность их заключается в том, что читатель верит автору на слово, по условию, более того – не может опровергнуть, за исключением редких случаев. Кроме того, на устройство хронотопа влияет иерархия элементов: стол находится в комнате, на столе лежит книга; их последовательность: рядом с этим домом стоит другой, а за ним – ещё один. В данном случае автор не допускает возможности иной трактовки – есть три дома, и они стоят в том порядке, который нужен автору. То есть, у читателя нет возможности неверно расшифровать код, разве что ошибиться при

прочтении. Здесь мы рассматриваем последовательность не единиц языка (объекты, предикаты), а значимых для литературного произведения образов.

Мы мыслим образами, но образы описываем словами. При создании литературного произведения автор сначала продуцирует образы, а позже находит слова для их описания. Слова становятся тем самым кодом, шифром. Соответственно, внутри текста мы имеем дело с образами из пространства сознания автора, которые читатель расшифровывает при прочтении.

Исходя из этого, литературу можно представить как психику человека, описанную языком посредством речи. При этом и язык, и речь – инструменты психики (абстрактный и конкретный соответственно), с помощью которых человек изучает, описывает окружающий мир и самого себя. К этим инструментам стоит добавить и саму литературу в её познавательной функции.

Если бы перед нами стояла задача найти общее в представлении хронотопа в языке и литературе, то мы в первую очередь выделили бы роль последовательности элементов и роль предощущений читателя. Но в этом нет действительной необходимости, ведь разбивка на форму и содержание, как и на язык и литературу, достаточно условна.

При более близком рассмотрении такого принудительного разъединения возникает диалектическая картина: язык – это одновременно и средство создания литературы, и значимая её часть, продукт литературного процесса. Литература – это не только продукт языка, но и питательная почва для его развития. Человек в литературе может быть и средством описания окружающего мира, так и результатом трансформаций этого мира. А в художественном произведении окружающий мир – это хронотоп, который, фактически, можно назвать «конструктором»: автор трансформирует образы, шифрует, а читатель расшифровывает код и собирает «конструктор». Следовательно, изучая устройство хронотопа, мы изучаем внутренний мир автора, в котором так или иначе отражён окружающий мир.

Каждый из этих элементов, рассмотренных выше – язык, литература и порождаемый ими хронотоп – может быть основой для обращения к человеческой психике, что достаточно важно. Ведь вряд ли есть смысл в науке, полностью оторванной от человеческой жизни, хотя и нет смысла в обратном – в науке, трактующей всё через жизнь.

Пока нет достаточных оснований для создания науки, совмещающие в себе функции психологии и литературоведения (которую можно было бы назвать «психолитературоведением»). Ведь наука о литературе и так довольно часто пользуется приёмами, заимствованными из психологии – достаточно будет вспомнить психоанализ. Однако возможность двигаться к человеческой психике от художественного хронотопа и включённых в него образов представляется весьма перспективным направлением для дальнейших исследований.

Литература

1. Бабенко, Л. Г. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999. 694 с.
2. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1986. С. 234 – 407.
3. Субботина, Т.В. Локус, топос, урбоним, микропоним. К вопросу о содержании пространственных понятий / Т.В. Субботина // Научная библиотека Челябинского государственного университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.csu.ru/vch/239/040.pdf>– Дата доступа: 17.05.2017.
4. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М., 1983, с. 227-284.